

18+

Вероника ЛЕМ * Иветта ЛН

ФОКУСНИК

2

ПОГАСШАЯ ЗВЕЗДА

Вероника Лем

**Фокусник. Книга вторая.
Погасшая звезда**

«Издательские решения»

Лем В.

Фокусник. Книга вторая. Погасшая звезда / В. Лем —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964443-5

Во втором романе детективной серии «Фокусник» иллюзионист Макс Суворов помогает команде следователей под руководством Нины Лаврентьевой раскрыть загадочное исчезновение популярного киноактера на борту самолета прямо во время рейса. Но собственное расследование Макса смерти жены наталкивается на неожиданное препятствие.

ISBN 978-5-44-964443-5

© Лем В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Несчастливый рейс	8
Глава 2. Новое дело Нины	11
Глава 3. План Макса	17
Глава 4. Свидетели и улики	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фокусник
Книга вторая. Погасшая звезда
Вероника Лем
Иветта Ли

Роман Герасимов *Дизайнер обложки*

© Вероника Лем, 2019

© Иветта Ли, 2019

© Роман Герасимов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4443-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-8303-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В глазах у него стало темно. Отключились привычные земные зрение и слух. Но каким-то другим чувством он ощущал, что несется с огромной скоростью в абсолютной темноте. Он терял все, что раньше было его личностью. Бешеный встречный ветер, как лепестки, обрывал связи с прошлым, воспоминания. В безумном полете он забыл свои желания, свою славу, свое имя, свою жизнь. Ветер вынес его на бескрайнее звездное пространство. Он наполнился светом до краев и взорвался чудовищной энергией. На мгновение на небосводе загорелась яркая звезда. Вспыхнула и погасла.

Барановский отключает автопилот и до побелевших пальцев сжимает штурвал. Белая рубашка с погонами командира воздушного судна потемнела от пота и прилипла к спине. Штурманское кресло поддерживает крупное тренированное тело Барановского. Его волевое лицо максимально сосредоточено: упрямая складка залегла вокруг рта, губы плотно сжаты, квадратный подбородок вытячен, а синие, как фирменный китель пилота «Аэрофлота», глаза напряженно всматриваются в экран локатора. Самолет, управляемый Барановским, на высоте двенадцать тысяч метров описывает широкий вираж и поворачивает обратно. Теперь сзади чистое голубое небо, а впереди клубится стена непроглядной черноты. И самолет приближается к этой черноте. Кресла в кабине пилотов пусты: отсутствует второй пилот, пусто кресло бортинженера. Крен на левое крыло заставляет открыться дверь кабины пилотов.

В закутке бортпроводников тренькает микроволновка, здесь все подготовлено для раздачи питания: стоит полностью загруженная тележка с напитками и снеками, обеды в алюминиевых контейнерах. Но никого из членов экипажа.

Запираться Барановскому не от кого. Боинг пуст. Ни одного пассажира – только пледы на сиденьях, полураскрытые компактные сумки, работающие гаджеты, на которых мелькают кадры, брошенные наушники.

Барановский один в самолете.

Впрочем, на месте 12В сидит белый кот с разными глазами.

Женщина с бледным лицом без следов косметики впилась глазами в экран, на котором пилот Барановский бросает лайнер навстречу черной туче. Ей не больше тридцати лет, на ней блеклый балахон, похожий на ночную сорочку или пижаму из полинявшей от многих стирок ткани. Красивое выразительное лицо искажилось страхом: глаза расширились, рот приоткрыт. Длинное худое тело напряглось в кресле, тонкие пальцы с короткими ненакрашенными ногтями впились в подлокотники. Комната, оборудованная под кинозал, с единственным креслом для зрителя погружена в полумрак.

Губы пилота Барановского шевелятся, он шепчет: «Ты отдашь их».

Перед глазами Барановского проносятся картины: вот он в темно-синем кителе с командирскими нашивками, белоснежной рубашке, фуражке с кокардой и с щегольским кейсом шагает по летному полю. Рядом в ногу пружинистым шагом идет Сергей – второй пилот, чуть пониже Барановского. Сутулый бортинженер Василий Борисович поспевает за ними, погруженный в свои мысли. Красотки стюардессы Лариса и Наташа перешептываются и поглядывают на Вадима – застенчивого новенького стюарда.

Из автобуса выходят и поднимаются по трапу пассажиры: молодая мама с девочкой лет шести, чьи пшеничные волосы заплетены в африканские косички, девочка держит в руке чернокожую Барби с точно такими же косичками, парень в рваных джинсах с татуировкой на шее несет скрипичный футляр, пожилая женщина бережно обхватила переноску с котом. Обычный рейс, обычные пассажиры.

...Барановский мотает головой, отгоняя картины недавнего прошлого, и сводит брови. Прядь темных густых волос падает на лоб.

Черная туча стеной все ближе: внутри нее погрохатывает – как будто причмокивает и утробно ворчит. Самолет крошечной серебристой букашкой приближается к громадной черной стене. Она кажется живой и опасной, готовой поглотить. В кабине раздается резкий звук радиосвязи – голос с земли прорывается: «1756, сообщите ваши координаты, ответьте, вы выходите из диапазона Мурманска». «Вот и хорошо!» – вполголоса отвечает Барановский. И недрогнувшей рукой направляет самолет в черную толщу, которая глотает самолет.

Женский крик бьет по нервам. Это кричит женщина в балахоне перед экраном, закрыв руками глаза. На экране мигающий огнями самолет мчится через черную тучу.

В салоне самолета гаснет свет и аварийное освещение создает стробоскопические эффекты, когда на миг появляются пассажиры и снова исчезают. Девочка прижимает к себе куклу Барби... молодой человек с татуировкой на шее спит, приоткрыв рот... пожилая женщина гладит кота...

Женщина в балахоне сползла с кресла на пол и, спрятав лицо в ладонях, зажав уши, громко кричала. Бесшумно открылась дверь и в комнату торопливо вошли двое: мужчина и женщина в медицинской униформе. Медсестра несла одноразовый шприц, наполненный желтоватой жидкостью. Мужчина скупыми движениями, отработанными многократными повторениями, поднял женщину с пола, усадил в кресло и, осторожно удерживая ее голову, зафиксировал руку в удобном для медсестры положении. Та сноровисто закатала рукав балахона и ввела иглу в предплечье. Всхлипы женщины стали тише.

...Женщина спала в кресле. Ее лицо было расслабленно и, несмотря на следы страдания, красиво: высокие скулы, прямой нос, балахон распахнулся и приоткрыл длинную хрупкую шею. На нежной коже, уродуя шею женщины, темнела давняя гематома странной формы незамкнутого кольца.

На экране на фоне титров шли финальные кадры.

Пассажиры спускаются по трапу: молодая женщина прижимает к груди девочку с черной кожей Барби, парня в рваных джинсах окликает молодой стюард, протягивает забытый скрипичный футляр. Трап окружен машинами экстренных служб: пожарные, скорая, МЧС. Последним самолет покидает Барановский. Он задерживается в двери самолета. Уверенный, усталый, спокойный. Пожилая женщина с пустой кошачьей переноской рассеянно обращается к командиру:

– Вы не видели Гектора? Он пропал...

За окном больницы, забранной решеткой, светлело небо.

Глава 1. Несчастливый рейс

Даша очень волновалась: ей предстояло взять интервью у самого Дениса Вавилова. Это было ее первое самостоятельное задание, и от него зависело, как дальше пойдет ее карьера, возьмут ли ее в штат столичного журнала, сможет ли она переехать в Москву и наконец съехать от родителей. Вавилов был кинозвездой первой величины и невероятным красавцем, он улетал из городского аэропорта в десять утра, и главный редактор договорился с его агентом, что корреспондент задаст три-четыре вопроса на камеру. Спецкор журнала слег с вирусом и прислал Даше «по мылу» вопросы, написанные впопыхах. Все утро Даша тщательно готовилась к интервью: вымыла голову, нарисовала тенями соболиные брови и покрыла волоски бровей специальным воском, тушью накрасила ресничку за ресничкой и теперь опаздывала. Даша выбрала журфак в трудный для журналистики момент: богатые госкомпании скупали медиа, чтобы контролировать, как освещают их деятельность в прессе, печатные издательства закрывались, редакционная политика определялась из Кремля, а в моде были блогеры. Но Даша не задумывалась о скрытых пружинах, она выросла на американских сериалах и завидовала Зои Барнс, но считала себя умнее и ни за что бы не пошла в метро с опасным Фрэнком Андервудом в четырнадцатой серии.

Аэропорт Ростова принадлежал прошлому и доживал последние месяцы. Приземистое строение цвета цемента с маленькими пыльными окнами, казалось, шептало: «Возвращайся домой... где родился, там и пригодился». Здание, судя по планировке, предназначалось для удобства тех, кто приходит сюда каждый день на работу, а не для пассажиров, которые чувствовали себя дезориентированными и беспомощными. Сотрудники аэропорта пользовались системой прямых переходов, скрытых за глухими дверями с надписями «служебный вход». Они соединяли летное поле, зону досмотра и ВИП-зал кратчайшими путями. А пассажиры толпились в узком, как кишка, зале вылета, где было негде сесть, пытались сориентироваться в путанной навигации и, подгоняемые угрожающими объявлениями об окончании посадки, бежали по лабиринту: вверх по ступенькам, волоча за собой чемоданы, направо, налево и еще вниз.

В этом неприветливом пространстве убывающие и провожающие чувствовали себя смущенными и бестолковыми, торопясь проститься, чтобы избавить близких от унижения. А те, кто прилетел, вместе со встречающими старались поскорее выбраться на улицу в сытный южный воздух – подальше от тягостного стесненного аэропорта.

Аэропорт напоминал чистилище, куда никто не торопится. Над ним витал дух обреченности и тревоги.

...Оператор уже ждал Дашу перед зданием аэропорта, он нашел место для съемки, чтобы на заднем фоне взлетали и садились самолеты.

Мерседес подкатил к самому зданию аэропорта, и из него вышел хмурый молодой мужчина в узнаваемой летной куртке. Постерами фильма «Грозовой фронт» с Вавиловым в этой куртке был обклеен весь город. На его растражированное большими экранами лицо падала тень от козырька бейсболки. За Вавиловым из машины выкатился полный, но невероятно подвижный человек. Он доставал высокому Вавилову только до плеча, но тот хоть и нехотя, но слушал, что коротышка ему говорил, придерживая за рукав. Даша, лучезарно улыбаясь, ринулась к своей жар-птице. До Даши донесся обрывок фразы коротышки:

– Я тебя умоляю, без фокусов до начала проката!

Вавилов вырвал руку и резко развернулся, чтобы уйти, но натолкнулся на Дашу.

– Ой, – Даша не ожидала, что у Вавилова такие синие глаза в опушке густых черных ресниц. – Я беру у вас интервью...

– Ну берите, – актер насмешливо оглядел Дашу с ног до головы.

– Герой вашего нового фильма – отважный летчик Барановский. А вы сами не боитесь летать? – выпалила Даша.

Вавилов задержал взгляд на лице Даши и саркастично поднял бровь:

– Это уже интервью или еще светский разговор?

Даша залилась краской смущения и, запинаясь, выдавила из себя:

– У нас там камера, пойдемте... пожалуйста.

Коротышка уже раздобыл носильщика с багажной тележкой, самолично водрузил на нее огромный чемодан и ласково улыбнулся Даше.

– Прелестное дитя, этот человек – настоящая заноза. Он заставит вас пожалеть о выборе профессии. Но я вижу в вас потенциал, вы можете сделать карьеру на телевидении с вашими данными. Вот возьмите. Позвоните, когда будете в столице.

Коротышка погрозил Вавилову пальцем:

– Помни, до премьеры!..

«Александр Демин, Генеральный продюсер» – было написано на визитке, которую Даша сунула в карман, не отрывая глаз от актера.

* * *

Степан Михайлович Хомяченко любил свою должность, а свою фамилию терпеть не мог. Должность называлась «референт» и относилась к министерству культуры. В аэропорт на юге столицы Степан Михайлович приехал заранее и, не глядя на табло прилета, безошибочно определил, где собрались встречающие рейс из Ростова: как минимум тридцать девушек в футболках с портретом Вавилова томились ожиданием. Увидеть своего кумира в реале, успеть прокричать посвященные ему стихи, сделать с ним селфи – вот их мечта.

Миссия Семена Михайловича была гораздо солиднее. Он приехал лично сообщить Вавилову, что ему вручит престижную премию министр культуры. Награждение пройдет через пять дней и следовало утрясти множество деталей: слова благодарности, дресс-код, слайды для презентации. Матовые двери, отделяющие взволнованных встречающих от прибывших, разъехались и выпустили торопящихся командировочных, загорелых туристов, одетых не по холодной столичной погоде, делегацию смуглых мужчин в деловых костюмах.

Девушки в футболках с лицом Вавилова подались вперед, стремясь разглядеть кумира за спинами пассажиров. Но двери сомкнулись. «Откуда рейс?» – взволнованно закричали фанатки туристам. Но те только отрицательно помотали головами. «Не понимают!», – торжествующе заявила высокая и тощая девушка.

Степан Михайлович достал телефон и нашел контакт Демина. Нажал на вызов. В ухо звучал рингтон из фильма «Грозовой фронт».

– Слушаю! – голос Демина звучал глухо.

– С прилетом, я вас жду на выходе. Чтобы лично вручить Денису письмо, – веско произнес Хомяченко.

Он отметил, что Демин даже не ответил на приветствие. «Устал, наверное. Может, выпил на борту», – с легкой завистью подумал Степан Михайлович. Но Хомяченко не так просто отвадить – аппаратная хватка у него была отменная:

– Давайте прямо сейчас заедем в министерство. Вы пойдете через общий выход? А то тут ажиотаж – девицы караулят нашего героя.

Демин реагировал вяло и поторопился закончить разговор.

Двери выпустили еще партию пассажиров. Фанатки было вскинулись и разочарованно обмякли.

Поток прибывших шел плотный, и двери не успевали смыкаться. Но Вавилова среди них не было.

Поток поредел, девушки обеспокоенно загудели.

– Может, он не прилетел? – трагически спросила высокая заводила.

Телефон Демина не отвечал. Хомяченко охватило раздражение. «С кем другим он бы так себя не повел», – оскорбленно подумал чиновник. «Другого бы не послали в аэропорт, – горько признался себе. – Человека с другой фамилией, не такой смехотворной».

Хомяченко мягко тронули за локоть. Перед ним стоял Демин: невысокий коренастый человек, обросший модной бородой. Хомяченко обратил внимание, что его глаза полны печали.

– Простите, Степан Михайлович. У вас не получится передать Денису приглашение. У нас в некотором роде ЧП.

– Что-то с Денисом?

– Он не прилетел.

– Что значит «не прилетел»? – оскорбленно нахмурился Хомяченко.

Демин посмотрел на него отстраненно и устало.

– Давайте попозже созвонимся, когда у меня будет информация.

Хомяченко высокомерно приосанился:

– В следующую пятницу министр вручает награды. Вавилов должен там быть, вы это понимаете?

Демин уже повернулся уходить: «Хорошо бы, хорошо бы так», – пробормотал он под нос. Разочарованные девушки-фанатки разбрелись.

Степан Михайлович Хомяченко сегодня бесповоротно решил сменить фамилию.

Глава 2. Новое дело Нины

Еженедельное совещание у Краснова начиналось, как обычно, в восемь утра по понедельникам. Последние две ночи Нина Лаврентьева – руководитель отдела спецрасследований – почти не спала, а сегодня даже не ложилась. Заходя утром в высотное здание из стекла и бетона на центральной улице Москвы, где располагался Следственный комитет, Нина на всякий случай проверила у дежурного, хотя ответ могла предсказать заранее: консультант Максим Суворов в здание не входил. Нина испытала приступ усталого раздражения: «Скоро сама буду фокусы показывать и спиритические сеансы проводить. Прав Краснов – я попала под влияние фокусника». Но как бы то ни было, сегодня в полдень, если он не найдется, придется оповестить Краснова и Главное управление по исполнению наказаний. Все-таки условно-досрочно освобожденный пропал. Отключил браслет слежения и испарился в воздухе. Нина посмотрела на циферблат на запястье. Часы, встроенные в фитнес-трекер, показывали восемь часов четыре минуты. У нее есть еще почти четыре часа, и она на четыре минуты опоздала. Еще один тревожный звоночек: опаздывать на совещание руководителей направлений было плохим знаком и никому не сходило с рук. Руководитель ведомства генерал юстиции Виктор Иванович Краснов делал такого подчиненного «героем» совещания, окружал повышенным вниманием или сарказмом в зависимости повода опоздания. В такие минуты он напоминал желчного учителя, который воспитывает тупого и нерадивого ученика. Обижаться на него никто не обижался, потому что каждый участник совещания знал: в случае необходимости шеф поможет и прикроет от верхнего начальства, но становиться мишенью такого внимания Краснова никому не хотелось. Нине особенно – ей надо выиграть время, не привлекать к себе внимание и у нее только четыре часа. Точнее – уже три часа и пятьдесят две минуты. Вдруг Таня или Борис нападут на след Макса, и ей не придется докладывать Краснову, что она понятия не имеет, куда пропал фокусник. Нина решительно открыла дверь.

Комната совещаний, примыкающая к кабинету Краснова, выглядела солидно: овальный стол и полтора десятка стульев вокруг него создавались на уважаемой немецкой мебельной фабрике, были консервативны, прочны и удобны, стены матового оливкового цвета, заглушающее шаги ковровое покрытие в тон стен.

Первое, что Нина заметила: массивное кресло Краснова во главе стола было пусто, а коллеги, рассредоточившись по несколько человек, вполголоса беседовали. Здесь собрались главы направлений, и все они были мужчинами. Головы повернулись в сторону Нины.

– Заходи, Лаврентьева, повезло тебе. Мы еще не начали.

– Босса не встретила случайно?

– Ни разу на моей памяти он не опаздывал.

Нина заняла свободное место за столом с тем расчетом, чтобы ее очередь докладывать подошла нескоро. Вплыла величественная секретарша Краснова и поставила перед его креслом стола чашку с дымящимся чаем. Опытные коллеги истолковали это как сигнал и стали рассаживаться.

Краснов появился через минуту. Дверь зала совещаний распахнулась, как будто от ударной волны, и босс прошествовал тяжелой поступью к креслу, опустился в него и обвел собравшихся взглядом из-под седых насупленных бровей:

– Задержался в аэропорту.

Выглядел Краснов озабоченным. На нем был военный камуфляж, который он надевал в командировки или для выезда на место преступления. Все выжидающе молчали и ждали продолжения. Но Краснов отрицательно покачал головой и жестом показал: не сейчас.

– Давайте как обычно.

Покатилось совещание. Главы Департаментов докладывали, а Краснов сидел задумчивый, никого не прерывал, изредка поглядывая на экран лежащего перед ним мобильного. Нина старалась не смотреть на часы, но ей казалось, что время тянется невыразимо долго. Через без малого час очередь дошла до Нины. Она набрала воздуха, но Краснов глянул на экран ожившего телефона и не дал ей начать:

– Лаврентьева, в следующий раз доложите. Вас ожидают.

* * *

– Нина Алексеевна, добрый день!

Навстречу Нине поднялся человек средних лет и средней внешности. Солодов из МВД. Она его мельком видела в кабинете Краснова. Имя отчество в памяти не зацепилось, а может, и не называлось. Между собой сотрудники Следственного комитета называли коллег из его ведомства «смежники».

– Наслышан о вашем блистательном расследовании похищения сына французского посла, – говорил Солодов, доброжелательно улыбаясь, но Нина уловила скрытую насмешку. В том деле они прошли по краю, чудом избежав теракта, и смежники продолжали работать, выуживая остатки агентурной сети. Солодов сокрушенно покачал головой: ¹

– Только слишком много трупов в этом деле.

Нина удержалась, чтобы не напомнить, что жертв могло быть больше, если бы не она. Она догадывалась, что Солодов провоцирует ее. Поэтому она села напротив него и спокойно ждала, куда клонит смежник.

– Вы метко стреляете. Это редкость для следователя.

– Спасибо, – вежливо произнесла Нина. Чем меньше она скажет, тем труднее будет подцепить ее на крючок. Complimentами этого точно не достичь.

– У нас тоже пропал человек.

Он протянул Нине журнал, где на обложке чуть лукаво усмехался актер Денис Вавилов. В образе просматривалась тщательно выверенная небрежность: волосы как будто растрепаны ветром, модная щетина, открытый ворот белой рубашки подчеркивает ровный загар. Необычно синие глаза наводили на мысль о цветных линзах или фильтрах по обработке изображений.

Глядя на фото, Нина мысленно прикинула: какой-то новый фильм выходит? Она, конечно, пропустила. Последнее время в кинотеатр Нина ходила только с Варей на нашумевшие мультфильмы. Не было у нее времени на кино.

– Он?

– Именно, Денис Вавилов. Видели его роли?

Нина отрицательно качнула головой:

– Не могу назвать себя фанатом современного кино. Но имя актера на слуху. Что с ним произошло?

Собеседник Нины недоумевающе пожал плечами:

– Поверите: из Ростова улетел, а в Москву не прилетел, – Солодов задумчиво рассматривал фото на журнальной обложке. – Вообще, парень не без способностей. Но остальное раскрутили журналисты. Секс-символ. У него была счастливая способность всем нравиться.

Нина уловила, что собеседник употребил прошедшее время:

– Вы думаете, он мертв?

Смежник выглядел довольным, что ему удалось заинтересовать Нину.

– Мне нужны факты. Поможете?

Нина вернула ему журнал:

– Дела мне поручает мой руководитель Виктор Иванович Краснов.

¹ История изложена в «Фокусник. Книга первая. Кремлевская елка».

– Конечно-конечно, – Солодов смотрел на Нину не мигая. – Только Виктор Иванович решает, кто будет вести дело. – Говорил он это так, что было ясно: он думает иначе. – Я хотел убедиться, что мы понимаем друг друга.

– Я за координацию между ведомствами, но не рассчитывайте использовать меня в своих играх.

Нина демонстративно направилась к двери.

– Что вы, Нина Алексеевна! – поспешно возразил Солодов. – Я и не думал вас использовать. А этот ваш консультант, Максим Суворов, фокусник. Можно с ним поздороваться, пригласите на минуточку?

Нине пришлось сдержать себя: Солодов явно был серьезным противником и держал в рукаве целую колоду крапленых карт. Она остановилась, не дойдя до двери, и посмотрела на смежника, сдвинув брови:

– Что вы хотите?

– Знать, как идет дело об исчезновении Дениса Вавилова.

– Ход следствия я докладываю только своему начальству, – ошетинилась Нина.

– И правильно. Но к вам у Краснова особое отношение, не так ли?

Нина вспыхнула:

– Мне поблажки не нужны. А Краснов не смешивает личные отношения и работу.

– Я так же, как и вы, восхищаюсь Виктором Ивановичем, но знаете, – задумчиво проговорил смежник, – даже такой опытный и влиятельный человек, как Железный Краснов, нуждается в союзниках в сложное время. И я могу быть очень ценным союзником. Просто помните об этом.

– Это все? – Нина собралась уходить.

– Имейте в виду, что этот ваш фокусник не так прост. У него были причины убить жену.

– Спасибо за предупреждение, – Нина, кивком попрощавшись, вышла из кабинета.

* * *

От разговора у Нины остался неприятный осадок. Вроде все по установленному порядку: дела о пропавших без вести людях Следственный комитет ведет в тесном контакте с МВД. Но намеки Солодова Нине не понравились: у того явно был какой-то собственный интерес, а действовать по чужой указке она не любила. Краснов всегда сам разрешал щекотливые вопросы взаимодействия с другими силовыми ведомствами и должна быть какая-то причина, почему он направил ее на эту встречу.

Работа следователем была страстью Нины. А вот на частную жизнь времени у Нины не оставалось. Вся ее семья – первоклассница Варя – после того как уволилась ее няня, отправилась на пятидневку в загородную школу-пансион. Сама Нина выросла в интернате и помнила об этом времени много плохого: тоску заброшенности, детскую жестокость, несправедливость, тайные слезы – и вначале мучилась совестью. Но Варька полюбила новую школу с порога, моментально перезнакомилась с одноклассниками, схватила за руки двух новых подруг и побежала в класс посмотреть живой уголок, где жили настоящие саламандры, небрежно махнув Нине: иди домой!

У отважной Нины Лаврентьевой было два страха: лишиться возможности расследовать преступления и подвести Краснова. Работа следователя была ее призванием. Нина была мозгом расследования: организовывала работу группы, формировала задачи, находила свидетелей и выуживала из них нужную информацию. Она вызывала доверие у свидетелей, а некоторые ее подследственные признавали вину прямо во время допроса. У нее была отличная команда из троих следователей, каждый из которых обладал уникальными знаниями в узкой предметной области. Когда она привлекла необычного консультанта – иллюзиониста, это вызывало недоумение даже у Краснова, который ее поддерживал и продвигал. .

Хотя фокусник оказался полезен, его своеволие и неуправляемость доставляли Нине множество неприятных минут. Вот и сейчас Нина продолжала взвешивать преимущества и недостатки работы с консультантом, который помогал расследованию, нарушая установленные правила и ставя Нину в сложную ситуацию перед Красновым.

Особенно беспокоила Нину склонность Макса рисковать, в одиночку бросая вызов преступнику, из-за чего он оказывался на грани жизни и смерти. Он как будто устраивал шоу, играл в опасную игру, доказывая всем вокруг, что способен выиграть любую битву. Нина подозревала, что Макс стремился взять реванш за поражение, которое потерпел от опасного и могущественного противника, разрушившего его жизнь и карьеру. Противника, который все еще оставался невидимым.

Сама Нина Лаврентьева стремилась в жизни к ясности, простоте и порядку. Расследование самого запутанного дела для Нины было установлением ясности и приведением окружающего мира к порядку, и она была последовательна и неумолима, пока не закрывала дело. Виктор Иванович Краснов был для нее больше, чем просто начальником: непререкаемым авторитетом, человеком, которым она восхищалась, на которого она хотела быть похожей.

И теперь, чтобы не подвести Краснова, Нина была обязана поставить его в известность об исчезновении фокусника.

* * *

– Виктор Иванович, разрешите доложить чрезвычайные обстоятельства. Пропал человек.

На часах было 12:04 и дальше тянуть было нельзя. Нина начала сразу, как только открыла дверь в кабинет Краснова, чтобы ее не перебили и не прервали на этот раз. Но сама остановилась, запнувшись. Перед столом Краснова в кресле сидел Макс. Макс Суворов, привлеченный эксперт отдела спецрасследований, бывший фокусник и бывший заключенный, которого она разыскивает тридцать часов, остался невозмутим. Галантно поднялся с кресла при ее появлении и смотрел на нее с приветливой улыбкой, как ни в чем не бывало. Как будто это не из-за него она перевернула Москву: побывала и у него в квартире, где на видном месте лежал снятый браслет слежения, пробила телефон.

Краснов обрадовался Нине:

– Что ты так долго? Мы без тебя начать не можем.

Нина и забыла, что Краснов пригласил их с фокусником, чтобы поблагодарить за расследование дела сына посла. Ладно, она потом разберется с фокусником. Главное, что он появился, избавил от необходимости докладывать начальнику, что вверенный ей досрочно освобожденный исчез. А вернуть его в тюрьму своими руками – это совсем другое. Свои ощущения она оставит при себе. И актером этим надо заниматься.

Краснов выжидающе посмотрел на Нину:

– Так кто там пропал?

Нина посмотрела строго на Макса и сказала не то, что собиралась:

– Актер Денис Вавилов.

* * *

Отдел спецрасследований, которым руководила Нина, занимал общую комнату на третьем этаже. Три больших окна выходили во двор. Летом за окном шумела зеленая листва разросшегося тополя, в них щебетали птицы и можно было забыть, что ты находишься в городе. А сейчас голые ветки раскачивались морозным ветром.

Рабочий стол каждого члена команды отражал привычки и характер хозяина. Следователь Таня Горюнова устроилась в углу кабинета и оклеила обе стены географическими картами. Ее страстью была логистика и разработка маршрутов. На карте мира цветные стикеры обозначали места, где Таня побывала, и карта выглядела как нарядная аппликация. Танина рыжая выющаяся шевелюра сумрачным зимним днем сияла, как дополнительный источник света, когда она, прикинув к монитору, прокладывала маршрут на интерактивной карте.

Стол Бориса Кононова находился в центре комнаты. На нем, помимо компьютера, стопкой лежали толстые энциклопедии, анатомические атласы и словари. Борис параллельно с работой в Следственном комитете вел научные исследования на стыке анатомии и антропологии, писал статьи в иностранные издания и владел несколькими европейскими языками. Высокий блондин с аккуратной бородкой мог сойти за университетского профессора, если бы не развитая мускулатура, которую было сложно спрятать под пуловерами домашней вязки и твидовыми пиджаками.

Рабочее место самого молодого сотрудника Вани Токарева располагалось справа от стола Тани и выглядело, как пульт управления космического центра: у него было целых три монитора, сверхсовременная «разломанная» клавиатура, подстроенная под каждую руку, с множеством дополнительных клавиш и вмонтированным джойстиком. Хотя круглыми детскими глазами и русыми вихрами, торчащими во все стороны, Ваня напоминал персонажа японских комиксов манга, в компьютерах и электронике он разбирался как никто другой, и Нина не возражала, чтобы оборудование для него закупалось особое, закрыв глаза на то, что клавиатура предназначена для компьютерных игр.

Сразу при входе в комнату располагался стол Нины – место было самое неудобное, спиной к двери, но Нина не обращала внимания на такие мелочи, да и за столом ей приходилось сидеть нечасто. Подражая Краснову, Нина держала рабочее место в идеальном порядке, по крайней мере, уходя домой поздним вечером, всегда находила время освободить стол от лишних бумаг, накопившихся за день, и остро наточить исписанные и сломанные карандаши.

Напротив окон всю стену занимала белая доска, куда магнитами сотрудники прикрепляли фото фигурантов текущего дела и маркерами делали записи. Сейчас на доске красовался постер фильма «Грозовой фронт» с лицом Вавилова в фуражке летчика в окружении туч, рядов молний и маленького летящего самолетика.

В проеме между окон на специальном столике практически бесперебойно работала автоматическая кофе-машина.

Что до Макса Суворова, он обосновался на широком подоконнике и от предложений поставить для него рабочий стол упорно отказывался. Обычно он сидел в оконном проеме, прислонившись спиной к одной стене и закинув ноги в неизменных молодежных кедах на другую. Сотрудники Нининого отдела уже привыкли к виду его фигуры на фоне окна. Коллеги из других отделов, забегая по делу, бывало, вздрагивали, когда он отделялся от оконного проема и вставлял какое-то замечание. А постоянные прохожие поглядывали на окно третьего этажа, и однажды уличный художник остановился зарисовывать силуэт.

Заходя в отдел, Нина окинула комнату быстрым взглядом: все в сборе. Тут же был и Макс, который вдохновенно вещал перед сотрудниками отдела, расхаживая между столами в белых кедах и темном костюме, выгодно подчеркивающим его худощавую фигуру.

– Как добиться иллюзии исчезновения из замкнутого пространства? – Макс бесцеремонно взял со стола Нины пластмассовый стакан, в котором она держала остро отточенные карандаши, и вытряхнул карандаши на стол. Сделал пас рукой, и в ней оказался красный поролоновый шарик, похожий на тот, что клоун напяливает в качестве носа.

Таня вышла из-за стола, чтобы не пропустить представление.

Макс деловито сдвинул книги Бориса на его столе, освобождая пространство. Борис слегка нахмурился, но промолчал.

– Способ первый: объект должен оставаться там, куда помещен, но у зрителя должна возникнуть иллюзия, что его там нет.

Макс демонстративно закинул шарик внутрь стакана, потряс стаканом и перевернул его на стол. Размашистым эффектным жестом поднял стакан, но под ним было пусто.

– Ой, – удивленно вздохнула Таня.

Макс потряс стакан, чтобы все убедились, что он пуст, а затем без паузы достал шарик из стакана.

– Да шарик просто прилип! – возмутился Борис.

– Возможно, – спокойно ответил Макс. – Главное, ты поверил, что он исчез.

– Способ второй, – продолжил Макс. – Надо продемонстрировать зрителю, что объект или, если хотите, человек находится в совершенно другом месте, в то время как он остается, где был.

Макс подкинул шарик и ловко поймал его стаканом, потряс и проделал несколько пассов над ним, а затем достал шарик из-за уха Тани и зажал его в кулаке:

– Где шарик?

Таня уверенно указала на руку:

– Так вот же он!

Макс разжал кулак и продемонстрировал шарик:

– Умница! Одна маленькая деталь... – Макс поднял стакан и под ним обнаружился второй шарик, неотличимый от первого.

– Их два! – глаза у Тани горели, рыжие волосы растрепались по щекам.

– И способ третий, – Макс показал три пальца на руке. – Надо создать иллюзию, что объект помещен туда, где его на самом деле и не было.

Макс положил шарик на стол, продемонстрировал пустой стакан, а потом накрыл шарик стаканом. Поднял стакан – пусто. Сунул стакан Ване – проверяй.

– Это как? – недоверчиво нахмурился Ваня.

Макс отмахнулся:

– Просто поверь, его там и не было. – Макс разжал ладонь, на ней лежал шарик. – Если возвращаться к Вавилову, то или он не садился в самолет, или остался в самолете, когда все думали, что его там нет.

Нина отобрала у Макса стакан, сгребла раскатившиеся карандаши и, засунув в стакан, поставила на прежнее место на столе:

– Начнем по порядку. Понадобится детальная информация о личности Вавилова. Родственники и знакомые, конфликты, друзья и враги, интимные связи, заболевания, которые могли привести к скоростижной смерти, потере памяти или ориентировки в пространстве.

Макс шутливо поднял руки: «сдаюсь» – и вернулся к подоконнику.

Ваня уже барабанил по клавиатуре со скоростью пианиста-виртуоза. Таня все еще стояла посреди комнаты, глядя на постер на доске:

– А может быть, что он сначала зашел в самолет, а потом оттуда вышел?

Макс снисходительно пожал плечами:

– Если он вышел, кто-то должен был это заметить. И это не фокус.

Борис скептически усмехнулся:

– А мы здесь не фокусы показываем, а людей ищем и преступления расследуем.

Таня задумчиво протянула:

– А было ли преступление? Тела-то нет.

Иван подал голос, не отрываясь от монитора:

– Вавилов и раньше пропадал. С разными женщинами.

Глава 3. План Макса

Макс сидел на подоконнике в пустом кабинете и задумчиво смотрел в окно, где синели ранние зимние сумерки. На улице зажглись фонари, прохожие, нахохлившись, спешили по своим делам.

В правой руке он вертел колоду карт: пальцы совершали неуловимые движения и карты двигались как будто сами по себе. Вот зажатая между большим и указательным пальцами колода распалась на две равные части, нижняя скользнула по ладони и оказалась сверху, а верхняя опустилась вниз, и колода сложилась в ровную пачку. На руки Макс не смотрел. Не оставиваясь, колода опять разделилась и части поменялись местами, уже в противоположном направлении.

Макс не ожидал, что его выходные без браслета на ноге вызовут такой переполох. Похоже, Нина Лаврентьева считает, что он должен сидеть на привязи. Это при том, что он выложил и, можно сказать, раскрыл то преступление. Что ей еще надо? И начальник Нины Железный Краснов сам благодарил его за помощь. Еще немного и Нина бы доложила Краснову, что Макс пропал. Как она ни владеет собой, его появление в кабинете Краснова застало ее врасплох. А сообщив о его исчезновении, это бы немедленно расценили как побег, и он мог загнать обратно в тюрьму. Она не выдала его, значит, нуждается в нем.

Колода переключалась в его левую руку. Изящным поворотом кисти в сторону окна Макс раскрыл колоду идеальным веером, показав своему отражению в темном стекле ровный круг, где перемежались цифры и символы старших карт.

Макс согласился расследовать преступления не из-за красивых глаз Нины Лаврентьевой и не ради благодарности генерала юстиции Краснова. Он вольная птица. Консультировать Следственный комитет для него – шаг к полной свободе. Пока птичку освободили из клетки, но крепко привязали за ногу к жердочке: вспорхнуть можно, но прочная цепочка притянет обратно. Макс ощутил привычную тяжесть браслета слежения и усмехнулся удачному сравнению: да, именно за ногу.

Макс самодовольно прищурился: Нина искала его и не нашла, снова фокусник обставил следователя! Вот теперь она и сердится.

Макс развел руки: правую с колодой поднял над головой, а левую оставил на уровне груди и обрушил в нижнюю каскад карт, где одна следовала за другой непрерывным потоком, послушно укладываясь ровной колодой в левую руку. Одна карта упала на пол. Макс нагнулся и поднял ее. Дама бубен. Вернул в колоду.

Да, ему понадобилась передышка. Двое суток он размышлял над непростой дилеммой – что лучше: прослыть расчетливым убийцей или безрассудным иллюзионистом. Признать провал в личной жизни или в профессии. Представить гибель Сони как преступление или как профессиональную ошибку.

Тайная измена Сони, о которой он узнал, ранила его, но не остановила в решимости узнать всю правду. Он подозревал, что это как-то связано с ее гибелью во время представления. И он, спрятав гордость поглубже, разберется с этим.

Открывшееся предательство жены подтверждало вынесенный приговор. И могло переклассифицировать непредумышленное убийство в преднамеренное. Но Макс предпочел бы вернуться в тюрьму, чем допустить, что совершил профессиональную ошибку. Может, он и обманутый муж, но не фокусник-растяпа.

Макс посмотрел на колоду, выровнял, снял верхнюю карту и молниеносным движением кисти послал ее в потолок. Карта, стремительно вращаясь, описала дугу и словно на привязи вернулась прямо в раскрытую руку.

Кому, как не фокуснику, знать, что глаза нас обманывают. Обманывает и память. Обман окружает нас. Стоит человеку открыть рот, и он изрекает ложь. Мозг человека – великий мастер обмана, сплетает прочную сеть из ложных ощущений, ненадежных воспоминаний и обманчивых идей. Мы врем любимым, мужьям, женам, врем своим детям, врем начальникам и врем самим себе. Приближаясь к зеркалу, мы втягиваем щеки, расправляем складки на лбу, задираем подбородок, поворачиваемся выгодным ракурсом. И зеркало отражает наши лгущие лица. Мы врем перед камерой и тиражируем ложь на снимках. Мы научились обману в детстве. И продолжаем обманывать окружающих и сами себя. Мы все чемпионы обмана.

Макс метал карту за картой, успевая между бросками ловить вернувшиеся.

«Я буду любить тебя вечно» – бросок!.. «Ты всегда можешь положиться на меня» – бросок!.. «Только смерть разлучит нас» – бросок!.. «Учись хорошо, и ты достигнешь успеха» – бросок!.. «Я больше не буду» – бросок!.. «Душа мой прах переживет» – бросок!!

В воздухе стоял свист, мелькали рубашки, цифры, застывшие лица дам, королей и кляксы тузов.

Люди выживают благодаря обману, женятся, заводят детей, делают карьеру. Человеческая жизнь – величайшая иллюзия. Никто бы не вынес тягот жизни, если бы не был убаюкан, зачарован мороком вечной жизни, великой любви, неограниченного богатства, бессмертной славы. Обман – это наркоз, под которым человек проживает хирургическую операцию своего существования, требуя правды, но не будучи способным ее вынести дольше мгновения. Надо быть настоящим волшебником, чтобы распознать обман, и самоубийцей, чтобы его разоблачать. В этом жертвенность и величие профессии иллюзиониста.

Макс выхватил из воздуха последнюю карту и удовлетворенно улыбнулся: мастерство, отточенное в тюрьме, ему не изменило.

Ему нет равных в создании и разоблачении иллюзий. И он не допускал и мысли, что на сцене кто-то может превзойти его.

Макс правой рукой поместил колоду на запястье левой и, двигая колоду вверх по руке, разложил карты ровной лентой от запястья до локтя. Опустил левую руку к полу, и карты соскользнули в чашу ладони, собравшись там в колоду. Снова разложил по руке, придирчиво рассматривая, какой получилась лента, и снова ссыпал карты в подставленную ладонь.

Он не даст Нине повода для неудовольствия. Ему несложно побыть паинькой. Новое дело, которое поручили Нине, казалось Максиму понятным. Он подождет, пока Нина исчерпает свои подходы, а потом эффектно выйдет на сцену, чтобы разоблачить трюк преступника. Ну что ж, он лучше всех умеет ждать и выбирать правильный момент для появления перед публикой.

В деле о смерти Сони ему рано или поздно понадобится помощь профессионального следователя. И лучше, если это будет Нина: она отличный следователь.

Нина может поместить его в тюрьму, а это не входило в его планы. Докопаться, что произошло с Соней – это единственный способ вернуться туда, где его место на всем этом свете. На сцену, к публике, софитам и созданию новых трюков и иллюзий.

Макс снова раскатал карточную ленту по руке от кисти до локтя и резким движением подкинул ленту в воздух, карты одновременно взлетели как склеенные, и Макс правой рукой сгреб карты прямо в воздухе. Макс победно улыбнулся.

Он вернет свою жизнь.

Глава 4. Свидетели и улики

Розыскное дело, переданное Нине смежниками из МВД, оставляло больше вопросов, чем давало ответов. Все опрошенные по горячим следам свидетели – пассажиры и члены экипажа – словно сговорившись, твердили одно и то же: Вавилова видели в аэропорту, он сел в самолет, но из самолета не вышел, поскольку бесследно исчез в воздухе. Нине предстояло отделить факты от домыслов и выяснить, есть ли в исчезновении Вавилова признаки преступления. Она не сомневалась, что справится, надо только неукоснительно следовать намеченному плану.

– Нам надо отделить реальные события от иллюзий, – Нина удержалась, чтобы не посмотреть на Макса. – И все сделать быстро.

Иван вручил Нине распечатку:

– Отец Вавилова умер. Из родственников – мама и брат. Семейное положение: холост. А женщины, тут такой букет имен... Похоже, они передавали друг другу страсть к Вавилу, как вирус.

* * *

Мама Дениса Вавилова Ирина Станиславовна оказалась высокой представительной дамой с правильными чертами лица, идеально ровной спиной и синими глазами за стеклами строгих очков, но не цвета летнего неба, как у сына, а тона засушенной в гербарии фиалки. Четкая дикция, тщательные формулировки и богато модулированный голос в ней выдавали педагога. Действительно, в пятьдесят восемь лет она продолжала работать завучем в школе для одаренных детей. Нину она приняла дома, в небольшой гостиной, где главным украшением были книги. Нина сразу приступила к делу:

– Почему вы не заявили о пропаже сына?

– Я не понимаю, к чему этот переполох, – недоуменно ответила Ирина Станиславовна, – Денис много путешествует. Мог потерять телефон. Вот увидите, с ним все хорошо!

– У него есть серьезные болезни, опасные для жизни – диабет, болезни сердца, эпилепсия?

Ирина Станиславовна замахала руками, как будто отгоняла настырную осу:

– Что вы! Он абсолютно здоровый мальчик. У него нет даже медицинской карты. Но он себя перегружает. Очень много работает.

– А нервное переутомление, срыв?

Ирина Станиславовна недовольно поджала губы:

– Я всегда ему говорю: все деньги не заработаешь. Береги себя. Но разве он слушает?

– Не упоминал Денис, что хотел бы все бросить, уехать, выпасть из жизни?

– Это невозможно. Он очень ответственный человек. Я воспитала его таким, – она взглянула на Нину с гордостью. – Перед выходом фильма у него множество обязательств, каждый день расписан. Денис не может подвести людей.

Нина решила зайти с другой стороны, чтобы преодолеть сопротивление Ирины Станиславовны:

– Вы видели множество детей. Денис выделялся среди сверстников?

– Денису многое дано. Он учился так легко, как будто ему все вкладывали в голову. Круглый отличник. Рисовал, играл на скрипке. А выбрал кино, – было видно, что она разочарована. – Хотите я покажу вам картины Дениса?

Ирина Станиславовна повела Нину по коридору и остановилась перед комнатой со створчатыми дверями, торжественно улыбаясь, распахнула двери. Окна были задернуты плотными шторами, хозяйка щелкнула выключателем, на стенах зажглись лампы направленного света, установленные над картинами. Хотя свет, сконцентрированный на картинах, скупо освещал остальную обстановку, Нина заметила, что мама актера тщательно поддерживает иллюзию,

будто старший сын только что покинул комнату, хотя он давно здесь не жил. Письменный стол, на котором открыт толстый том, теннисная ракетка, стопка компакт-дисков, скрипка в открытом футляре. На полированной деке скрипки ни пылинки – похоже, Ирина Станиславовна регулярно прибирается здесь. Книжная полка: Блаватская, Кастанеда.

– Денис увлекается эзотерикой?

– Он пыливый мальчик. С детства хотел разобраться в устройстве мира.

Нина подошла поближе и стала рассматривать картины. Картин было три, большого формата, оправленные в тяжелые дорогие рамы.

На первой изображен горный пейзаж под ночным небом. Непрístupные пики, холодный свет, одинокая человеческая фигура на вершине, раскинув руки, принимает звездный дождь. Сверкающие хвостатые звезды осыпают огнями человека и гаснут у его ног.

Нина перевела взгляд на следующую: все полотно второй картины занимало звездное небо. Кляксы звезд жались на периферии, а центр был черен и пуст, но, вглядевшись, можно различить тоннель, уходящий в бесконечность. Воронка тоннеля засасывала свет и глотала заезды. Дыра в бесконечность.

На третьей картине на краю горного утеса лежал обнаженный мужчина и, опасно перегнувшись, вглядывался в пропасть. Мужчина изображен со спины, его лицо почти скрыто от зрителя, но напряженные мышцы спины, рука, вцепившаяся в камни, передают безрассудную тягу навстречу гибели. Ниже утеса туман свивается в причудливые миражи, но они скрывают острые скалы.

Нина не разбиралась в живописи, скорее всего, это были ученические работы, не слишком умелые и по-юношески многозначительные, но зловещий смысл им придавали обстоятельства. Отныне они выглядели как предзнаменования. Не особо впечатлительная Нина поежилась.

– Когда он их написал?

Ответа не последовало, и Нина повернулась к матери Вавилова. Ирина Станиславовна смотрела на полотно из-за плеча Нины растерянным тревожным взглядом, как будто видела его впервые, ее учительская дидактичность исчезла без следа. Сквозь оболочку собранной молодой дамы проглянула испуганная беспамятная старушка, какой она станет через годы. На ее лице проступила обреченность:

– Пожалуй, я подам заявление в полицию о пропаже без вести Дениса.

* * *

В отделе Таня прикрепила к доске поэтажный план аэровокзала и сообщила:

– Аэропорт в Ростове старый. Его уже частично стали демонтировать. На первом этаже один вход с рамкой металлоискателя и один выход. Есть еще вход, которыми пользуются сотрудники, но он обычно заперт.

– Они что, о пожарной безопасности забыли? – удивилась Нина.

Таня пожала плечами и продолжала:

– На этом же этаже ВИП-зал с прямым выходом в зону досмотра и на посадку. Остальные выходы на посадку со второго этажа. Камеры здесь, – она ткнула пальцем в схему, – здесь и здесь.

При упоминании камер все выжидающе посмотрели на Ивана, а Нина спросила у него:

– За сколько справишься?

Ваня дернул себя за и без того торчащие вихры:

– А действовать надо официально или эффективно?..

На что Нина отрезала:

– У тебя сутки.

– Понял, – кивнул Ваня и набросился на клавиатуру.

* * *

Следующей в списке близких актера, составленном Иваном, стояла девушка Вавилова – фотомодель Ядвига Гринич. Нина отправилась к ней ранним утром, зная, что людей проще опрашивать, пока они еще не стряхнули с себя сон.

Дверь открыла высокая девушка в атласной пижаме с босыми ногами. Ее красоту не портили ни заспанные глаза с пушистыми ресницами, ни след подушки на зефирной щеке. Не дожидаясь вопроса, Нина протянула удостоверение:

– Ядвига Гринич? Следственный комитет. Вы знаете, где Денис Вавилов?

Услышав имя актера, девушка напряглась.

– Простите, мне сейчас неудобно, у меня съемка через три часа, – выговор был правильным, но чуткое ухо Нины улавливало тень акцента, как запах дыма в осеннем воздухе. Приглашать Нину в квартиру она явно не собиралась, но Нина не оставила девушке шанса увильнуть от разговора:

– Это не займет много времени, но сильно поможет следствию. Нам надо связаться с Денисом.

Ядвига шагнула Нине навстречу, прикрыла входную дверь, как будто защищая ее своим длинным телом:

– Так он в Ростове вроде... – девушка отвечала неуверенно.

– В квартире кто-то есть? – Нина кивнула на дверь.

Ядвига на долю секунды замешкалась, но затем отрицательно покачала головой:

– Я одна.

– Когда вы последний раз с ним общались?

– Он мне звонит. Каждый вечер...

– И вчера звонил?

– Да... впрочем, я не помню точно.

За дверью Нина уловила шаги. В дверном глазке мигнул, погаснув, свет. Нина окинула девушку испытующим взглядом:

– По-моему, в квартире кто-то ходит.

Ядвига упрямо насупилась:

– Я ничего не слышу. Так почему вы ищете Дениса?

– Он улетел из Ростова, но в Москву не прилетел. Никто не знает, где он и что с ним. Скажите, Денис принимает наркотики?

Ядвига испугалась:

– Он не наркоман.

Ручка двери стала поворачиваться, дверь, скрипнув, медленно приоткрылась. На порог упала длинная тень, и Нина втайне надеялась, что розыск пропавшего актера закончится прямо сейчас.

В коридор выглянул парень с голым торсом и длинными русыми волосами, собранными в небрежный хвост. Это, определенно, был не Вавилов. Он одарил Нину безмятежной улыбкой и обратился к Ядвиге:

– Лапуль, где у тебя шампунь?

Ядвига покраснела. Нина выжидающе посмотрела на смешавшуюся девушку.

– Ладно, я все вам расскажу. Заходите, – Ядвига придержала дверь и пропустила Нину в квартиру.

На маленькой кухне явно не готовили: плита состояла из двух микроскопических конфорок, зато холодильник был огромный.

– Чай и кофе я не держу, но могу смешать шейк из ягод, будете?

Нина отказалась. Ядвига налила воды из бутылки в два стакана и один поставили перед Ниной:

– Мы расстались с Денисом, но решили, что скроем это, пока не выйдет фильм.

– Зачем?

– Так ему удобнее. Фильм сейчас поднимет шумиху. А когда интерес пойдет на убыль, разрыв звезды с возлюбленной подогреет эмоции публики, – в голосе девушки была горечь. – Это все иллюзии. Ничего настоящего.

Ядвига глотнула воду из стакана и зажмурилась от удовольствия, как будто смакуя изысканный напиток. Нина отпила – обычная вода.

– Вы встречались без малого два года. Почему расстались?

– Я же говорю вам, ничего настоящего. Но я даже рада! – в голосе девушки прозвучал вызов.

– Рады? – переспросила Нина.

Ядвига потупилась:

– Он вел список тех, с кем переспал. Там были актрисы, официантки, я этот список видела... нашла свое имя между его партнершей по фильму и официанткой из «Starbacks».

Нина не выдала удивления:

– И все эти женщины соглашались... войти в список?

– Он, конечно, нравится. Еще бы: известный актер, красавец. Но если не по нем, он может и силу применить. Не терпит отказа. Вы извините, что я вам сначала соврала. Такое сами понимаете, неприятно говорить.

Проходя к двери, Нина услышала шум воды в ванной и бодрое музыкальное журчание приятного тенора. Нина заговорщицки подмигнула девушке:

– А это настоящее?

Ядвига неопределенно помотала головой:

– Надеюсь.

* * *

На осмотр самолета отправились вчетвером: Нина, Таня, эксперт-криминалист и Макс. Макс впервые проявил энтузиазм и сам вызвался ехать в аэропорт. Сопровождал их сотрудник службы авиационной безопасности аэропорта Виктор – энергичный, подтянутый мужчина, глаза которого были прикованы к Тане. Он охотно сыпал данными, придерживал перед ней двери и явно рассчитывал продлить и развить это приятное знакомство. Таня с удовольствием поддерживала игру. Нина много раз наблюдала, какое впечатление Татьяна производит на мужчин, и знала, что она непременно обернет это на пользу работе. У Тани везде были знакомые, готовые давать консультации, исполнять ее просьбы и поручения по первому зову и в любое время.

После исчезновения Вавилова опечатанный самолет стоял в ангаре. Ангар оказался внушительным помещением с потолком пятнадцатиметровой высоты, где одновременно умещались несколько самолетов. Самолеты въезжали внутрь через раздвижные двери. Стальные стены и потолок держали металлические конструкции, покрашенные серебристой краской. Мощные прожекторы, закрепленные на перекрытиях, заливали ярким светом самолеты, ждущие ремонта и обслуживания. У одного лайнера техники снимали часть обшивки фюзеляжа, и обнажились стальные внутренности: узлы, рычаги. Другому монтировали турбину, и он выглядел огромной птицей с ампутированным крылом. Ангар напоминает палеонтологический музей, где выставлены скелеты ископаемых гигантов: мамонтов и динозавров, или шатер цирка, который готовят к представлению.

Небольшой самолет А319 поставили у стены ангара под скошенным потолком. Макс несколько раз обошел вокруг самолета, рассматривая пол ангара, постучал по стене, сощурился на прожектора, укрепленные под потолком. И, казалось, остался доволен.

Нина подошла к фокуснику. Это был первый удобный момент поговорить относительно наедине.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Следующий раз, когда придешь ко мне домой без приглашения, закрывай дверь на оба замка.

Нина не собиралась вестись на шуточный тон.

– Где ты был?

– Навещал друга, – кротко ответил Макс.

– Макс, мне всегда надо знать, где ты находишься, – Нине не нравился разговор, но ей необходимо было объяснить Максиму правила игры.

– Я же не сбежал...

– Тебя не было тридцать часов. Это побег.

– Прошлый раз я это слышал, когда пошел на похороны жены. Мне накинута три года к сроку.

– Ты ищешь что-то, связанное с женой?

Макс на мгновение запнулся. Потом лучезарно улыбнулся:

– Я постараюсь больше тебя не подводить.

– Скажи мне, если я могу чем-то помочь.

– Все в порядке, босс. Я, правда, навещал старых друзей.

Нина подумала, что надо запросить дело об убийстве жены Макса из архива. Фокусник что-то скрывает.

А Макс не настолько доверял Нине, чтобы рассказать ей о своих поисках.

Забираться в салон пришлось по техническому трапу, состоящему из металлических реек и похожему на стремянку на колесиках. Виктор галантно предложил Тане руку, заботясь, чтобы симпатичная девушка не оступилась. Нина внутренне усмехнулась, она все отмечала, оставаясь внешне непроницаемой. Конечно, Виктор не подозревал, что Таня – серебряный призёр области по паркуру среди женщин. Нина первой легко взбежала по трапу (она-то была золотым призёром), отодвинула желтую предупреждающую ленту и сняла пломбу с двери самолета.

Согласно документам Вавилов сидел на месте 2А, и эксперт, надев перчатки, принялся обследовать кресло, собирая пинцетом неразличимые волоски, чешуйки кожи и прочий генетический материал в пакет с надписью «стерильно».

Кабина пилотов была тесной: два на полтора метра.

– А где штурвал? – кокетливо спросила Таня. Виктор авторитетно кивнул на вертикальный рычаг на гофрированном постаменте справа от кресла пилота:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.